

Все наперебой обсуждали, как перестроить их двор. Хотя сегодня погибло около десяти человек, и во многих семьях случилось горе, выжившие проявляли сильную волю к жизни и быстро сплотились, что было лучше, чем в городе. Гао Чан сидел в стороне, почти не высказываясь, а Да Хуан, прижавшись головой к его коленям, дремал, казалось, немного устав.

— Супруги Цзун Цин, не плачьте так. Вы потеряли сына, но у вас осталась дочь.

— Сейчас не время для слёз. Все должны взять себя в руки.

— В нашей бамбуковой роще есть камни. Нужно отправить несколько человек за камнями, несколько — рубить бамбук, а остальные останутся во дворе, чтобы строить стену и присматривать за стариками и детьми. Женщины, которые могут работать, тоже помогут, но будьте осторожны, не выходите за пределы двора.

Чжэн Гохун быстро распределил задачи. Мужчины взяли инструменты и отправились в бамбуковую рощу за двором, каждый с топором за поясом, который служил оружием.

Передняя часть двора-саньхэюань, где нужно было строить стену, была не очень широкой, и добыча камней была удобной. Все мужчины деревни работали вместе, и к рассвету стена была возведена. Каждая семья принесла камни к своим домам, заложив двери и окна. С этого момента в деревне остался только один вход через заднюю часть зала, ведущий к резервуару с водой за двором. Дверь всегда была закрыта и заложена, чтобы войти или выйти, нужно было проходить через неё.

На рассвете, когда тётушка Ашань готовила еду, она попросила дядю Ашаня спросить Гао Чана, не хочет ли он поесть у них. Гао Чан согласился и принёс из своего дома старую курицу. Эти куры, целыми днями запертые в доме без воздуха и солнца, рано или поздно заболели бы, так что лучше было съесть их поскорее.

После рассвета все закончили работу, как раз когда женщины приготовили еду. Мужчины, вернувшись домой, помылись, поели и сразу легли спать. Вчера днём они не спали, а ночью работали всю ночь, и даже крепкие деревенские парни теперь еле держались на ногах.

Гао Чан тоже рубил бамбук несколько часов и вспотел. Как и другие мужчины, он помылся под холодной водой в трубе во дворе, в одних трусах. В свои двадцать шесть лет он был хорошо сложен, с тёмной гладкой кожей, стройным и сильным телом. Его черты лица были не особо выдающимися, за исключением глаз — глубоких и тёмных.

Да Хуан тоже сильно испачкался за ночь, топтался по крови во дворе, а потом бегал с Гао Чаном по бамбуковой роще. Теперь, под холодной водой, он стал энергично трястись, обрызгивая Гао Чана водой. Тот схватил его за шерсть на шее, намылил и снова облил водой.

— Как ты думаешь, солнце сегодня будет синим или золотым?

Спросил Гао Чана Чжэн Чуньхуа, и остальные во дворе насторожились, надеясь, что он скажет что-то обнадеживающее.

— Подождём и увидим.

Ответил Гао Чан, вытирая Да Хуана сухим полотенцем.

Будет ли солнце золотым? Эта маленькая надежда сопровождала его сотни рассветов. Каждое утро он стоял у окна, приоткрывая уголок занавески, с тревогой ожидая восхода солнца, пытаясь разглядеть, будет ли первый луч синим или золотым.

Со временем его зрение, а может быть, и разум, стали подводить. Ему казалось, что солнечный свет то золотой, то синий. Позже он узнал, что не одинок в этом заблуждении. Некоторые люди, уверенные, что видят золотой свет, выбегали из домов, радуясь. Вскоре на улицах начиналась суматоха, и в конце концов эти люди погибали, а их тела пожирали мутировавшие кошки и собаки.

Когда первый луч солнца проник во двор, все замерли, вглядываясь: синий или золотой? Затем все разом вошли в дома, плотно закрыв двери и окна, чтобы не пропустить ни одного луча света. С тех пор люди могли видеть свет только на рассвете и на закате, а в пасмурные дни это было настоящим благословением.

Когда все разошлись, двор опустел, лишь на земле остались следы крови. Вчера двор был залит кровью, и она пропитала бетон, так что полностью отмыть его было невозможно.

Но взгляды людей больше не задерживались на вчерашней крови. Перед лицом более серьёзных трудностей они научились смотреть вперёд, и времени на горе просто не осталось. Вчера они построили стену, сегодня нужно сделать бамбуковые навесы над двором, а потом думать о том, как выжить дальше. Столько дел ждёт их, кто может позволить себе застрять в прошлом?

С большим горшком еды, который дала ему тётушка Ашань, Гао Чан и Да Хуан вернулись домой. Этот день и ночь так вымотали Гао Чана, что он был голоден и устал. Тётушка Ашань хорошо готовила, и так как курицу дал Гао Чан, она положила большую её часть в его горшок.

Да Хуан вчера хорошо себя показал, защищая Гао Чана, поэтому тот отдал ему большую часть курицы. Обычно Да Хуан радовался курице, с громким хрустом разгрызая кости, но сегодня он долго ворчал, не притронувшись к еде.

— Что случилось? Вдруг разонравилась курица?

Гао Чан с недоумением посмотрел на Да Хуана. Неужели он вдруг изменился? А ведь он сегодня так растрогался, хотел его побаловать, а тут такая реакция.

— Нет...

Да Хуан лизнул курицу, потом схватил её и, жуя, пробормотал:

— Рукоятка мотыги слишком твёрдая, зубы болят.

Проработав всю ночь, Гао Чан наконец лёг в постель, но не стал сразу засыпать. Он знал, что культивация требует постоянных усилий. Пережив однажды конец света, он понимал, что жизнь не станет легче, и если он позволит усталости взять верх, то останется только бегать сломя голову.

Метод, который дал Да Хуан, был направлен на продление жизни, но за эти годы Гао Чан явно почувствовал изменения в своём теле. Он стал более бодрым, ловким, а его физическая сила увеличилась в разы. Для других практикующих это, возможно, было мелочью, но для Гао Чана, который когда-то был загнан насмерть стаей крыс, это было настоящим чудом.

Немного отдохнув, Гао Чан сел в позу для медитации и просидел так до двух часов дня. Открыв глаза, он увидел Да Хуана, мирно спящего на кровати, и ему захотелось пнуть его в отместку. По сравнению с тяготами Гао Чана, путь Да Хуана в культивации был настолько лёгким, что вызывал зависть. Благодаря своей природе, он мог вообще ничего не делать, и его сила всё равно росла.

Громко зевнув, Гао Чан закрыл глаза и забрался под одеяло. Уже был ноябрь, и, хотя они жили в субтропиках, погода становилась прохладной. Одеяло, согретое Да Хуаном, было уютным, и Гао Чан мгновенно заснул, как только голова коснулась подушки.

К вечеру, когда Гао Чан проснулся, во дворе уже слышались голоса жителей. Видимо, они быстро адаптировались. Гао Чан, зевая, вышел наружу, а Да Хуан, потягиваясь, следовал за ним. Он проспал весь день и, кажется, немного пересыпал.

Во дворе появилось больше людей, жителей деревни, которые, увидев, что здесь построили стену, решили, что это безопасно, и захотели переехать сюда. Даже пустой дом, который глава деревни старался сохранить, уже заняли, а замок на двери, похоже, сломали, и он валялся на земле.

<http://bllate.org/book/15437/1369031>